

Н.К.Рерих.

Перепечатывается из журнала

"Оккультизм и Йога", номер 2, 1934 г., стр. 93-100

Одержание

"Все-таки не верю я в то, что вы об одержании рассказываете. Просто это какие-то подсознательные рефлексы мозга, мало ли что мы читаем, слышим и видим. Затем все это забываем, а извилины мозга где-то хранят и при случае выявляют то, что нам уже кажется как совершенно постороннее", - так говорил мне в Урге приятель, который по своему служебному положению считал, что скептицизм будет наилучшим признаком достоинства.

Никогда не следует настаивать и стараться убеждать. Часто нужно лишь обратить внимание, и жизненный поезд сам меняет свой ход, смотря на этот знак семафора. Не настаивая, приятелю было рассказано еще несколько случаев, объединенных мыслью об одержании.

Рассказали о тибетском роланге¹ - воскресении трупов, но, конечно, скептик только пожал плечами - даже, мол, и говорить об этом не стоит. Рассказали о случае в Америке, где высоко интеллигентная особа говорила, что в нее вселился ее умерший жених и контролирует всю ее жизнь, дает советы, указания и проявляет такую отдаленность от ее сознания, что причиняет ей недомогание не только духовное, но даже переходящее в область физическую.

Наш скептик заметил, что в азилуме² для лунатиков "одержимых", вероятно, очень много, а в практике суда эти случаи безответственного сознания общеизвестны, но что это его несколько не убеждает. Рассказали ему, как китайцы указывали, что в хотанского Дао-Тая³ вселился убитый им Титай, причем указывалось, насколько убийца принял некоторые характерные привычки убитого, и само лицо убийцы в самое короткое время характерно изменилось.

Скептик опять только пожал плечами. Прошло несколько дней, и однажды наш скептик вечером пришел имея какой-то странный вид - видимо, он был чем-то смущен и искал лучший повод рассказать о чем-то. Наконец он не выдержал:

"Вот послушаешь ваши рассказы, а потом и начнут случаться в жизни странные вещи. После нашего разговора последнего, помните, об этом, как вы говорите одержании, мне нужно было зайти к китайцу фотографу. Женат он на совсем простой бурятке, неграмотной. Я давно их знаю. Вижу, китаец невесел как-то, даже изменился. Спрашиваю, в чем дело, не болен ли? "Нет, - говорит, - я-то сам здоров, а вот с женой моей худо. Очень худо, и кто ее вылечит, уж и не знаю. Недавно начала она говорить самые странные вещи. Толкует, что кто-то вселился в нее и будто бы не один, а два. И откуда она такие слова берет - один будто бы утонувший, а другой с перепою умер, пьяница. Я-то знаю, что такое бывает, и у нас в Китае таких случаев много". Я попросил его позвать жену. Пришла она. И без того-то она была маленькая и шупленькая, а теперь показалась она мне еще худее, еще тоньше. Как и говорю - совсем простая бурятка, неграмотная. Вошла она, а муж ее вышел из комнаты. Принесла она мне чаю. Я ей говорю, а что же вы сами, выпьете? - "Нет, - говорит, он запрещает мне с вами пить, потому что вы не верите и мне зла желаете". - Кто же вам запрещает? - "Да все он, немец". - Как немец, говорю, объясните, откуда он взялся? - "А так, - говорит, - один Адольф, а

другой Феликс. Они, - говорит, - уже три недели как во мне". - Скажите, говорю, откуда же они взялись? - "А вот, - говорит, - приходил к мужу сниматься толстый немец, может быть, вы его видели на улице, он по торговой части, а эти двое были с ним - он-то ушел, а они ко мне и привязались. Один из них, Адольф, тут был грузчиком во Владивостоке, после войны остался там. Утонул он, катаясь на лодке, драка у них произошла. А другой, Феликс, тоже немец, тот пьяный и ругается сильно".

Начала она мне рассказывать, что они заставляют делать, все время принуждают есть мясо, только недожаренное, чтобы с кровью. А также предлагают пить вино. Очень они его любят. А один из них, тот, пьяница, все ей шепчет, чтобы она повесилась или зарезалась, и что тогда они ей во всем помогут.

И потом начала бурятка рассказывать, какие вещи эти немцы будто бы говорят. Они будто бы много ездили, особенно один, на кораблях, кажется, был матросом. Видите ли, она мне рассказывала такие названия городов, о которых сама она, конечно, не имела никакого представления. Затем говорила об устройстве кораблей и назвала такие технические названия, которые может знать лишь человек, служивший на судне. Многие эти названия, когда я переспрашивал ее, она объяснить не могла, но утверждала, что именно так и слышала от них. Должен сознаться, что ушел я от китайца озадаченный. Ведь это я первый раз сам слышал, и оно так совпадало со всем тем, что вы мне рассказывали. И дальше, должен сознаться, нестерпимо захотелось мне снова побывать в этом доме. Сегодня я был там второй раз. Китаец на мой вопрос только рукой махнул, говорил - еще хуже стало. Сказал я ему - могу ли видеть жену его? А тут она сама вышла и говорит: "Не могу я с вами быть, они запрещают мне; говорят, что вы мне зла желаете. Они мне счастье желают, а вы повредить можете. Потому что знаете людей, которые их изгнать могут". И ушла. А муж, который был при этом, только рукой махнул, говорит: "Худо, худо, пропадет теперь наш дом".

Видите, я человек судейский и потому люблю всякую достоверность. Вашим рассказам прошлый раз, сознаюсь, я не поверил, потому что ничего такого в жизни моей не встречалось. Но раз я слышал и видел сам, я не могу не верить этому, потому что женщину эту я видел и раньше, и она производила на меня совершенно другое впечатление. Она не заговаривается теперь, никаких признаков чепухи, как при параличах и других психических заболеваниях, не видно, а я ведь по своей воле в судебной практике с этими вещами встречался.

Нет, в этом случае я вижу в ней нечто совершенно постороннее - со своей типичной психологией, потому что, когда она передает слова матроса-грузчика, я чувствую типичную речь моряка, и моряка недавнего, довоенного времени. Также и речь другого, пьяницы, является поразительным воспроизведением речи забулдыги-прохожего, закинутого войной в окраины Сибири. А скажите, - вдруг как-то смущенно спросил бывший скептик, - как изгоняют подобную одержимость? Ведь я сразу понял, когда она намекала о знающих людях, что ей было сказано о вас?"

Я шутливо заметил скептику, что, кажется, мы поменялись ролями. И что, вероятно, он будет очень смеяться, если я ему скажу, что, бывало, в случаях такой одержимости на стол ставили куски сырого мяса с кровью, а всю комнату обливали сильно пахнущим крепким вином, а затем уходили из этого дома. Чтобы одержимое лицо более уже туда не возвращалось. Также применялись и другие

способы внушения.

При этом я вспомнил курьезный эпизод, бывший со мною в Америке, когда мне пришлось спорить с какими-то духами. Меня просили посмотреть картины, будто бы механически написанные одной такой одержимой, которая до этого совершенно не знала искусства и до этого случая не дотрагивалась до кисти. В странных картинах, очевидно написанных по частям разной техникой, разной рукой на одном и том же холсте, можно было видеть характерную технику французского импрессиониста рядом с характерным японским техническим выполнением. Тут же были какие-то египетские храмы, явно с каким-то немецко-романтическим уклоном. Я заметил художнице, что мне кажется странным такое нескоординированное различие стилей на одном и том же холсте. Но художница заявила, что руки художников, руководивших ею, действительно разных национальностей и что сделано так не случайно. Я заметил, что такое механическое сочетание противоположных стилей не дает цельности. Художница при этом задумалась, а затем сказала резко: "Они находят, что именно так хорошо". Я продолжал настаивать на своем мнении. А духи в довольно резкой форме продолжали выражать свое желание, чтобы картины оставались в этом виде. Итак, произошел продолжительный спор с духами, которые упорствовали...

"Я не знаю вашего американского случая, - перебил меня скептик, - после того, что я видел, конечно, я считаю это возможным. Но мне не хотелось бы оставить эту бурятку в том положении, в каком она сейчас находится. Я думаю, что я должен опять ее повидать и испробовать какие-то меры".

Я пробовал сказать бывшему скептику, что при его полном невежестве в этой области он может только повредить этой женщине, может вызвать или самоубийство, или какие-нибудь другие эксцессы. В конце концов мы совершенно поменялись ролями. Я пытался отговорить приятеля от дальнейшего посещения дома китайца, он же, как пьяница, почуявший вино, изворотливо изобретал все возможности как бы продолжить этот эпизод. Странно было видеть, как почтенный бывший судья старался найти все приличные случаи оправдания, чтобы доказать целесообразность своих дальнейших посещений дома китайца. Конечно, бедная наука не была забыта. Ведь он должен был продолжить свои экскурсии во имя науки, и человечество во имя науки должно быть предупреждено. Но за всеми этими важными соображениями ясно сквозил внезапно пробудившийся инстинкт, знающий о невидимом мире.

Жена скептика, бывшая тут же и ранее принимавшая мою сторону, теперь всячески настаивала, чтобы я отговорил ее мужа от его таинственных экскурсий: "Ведь эти все дни он только и говорит об этой бурятке да о немцах". Наконец, бывший скептик дал нам обещание бросить этот случай, после того, как я уверил его, что если только он начнет честно наблюдать, то он увидит около себя и многое другое.

Уходя, он неожиданно предложил мне: "А не пройдем мы как-нибудь с вами к монгольской колдунье? Ведь это та самая, которая предсказала Унгерну точный день его смерти и все его ближайшее будущее, которое так точно исполнилось. Ведь она живет здесь".

Идти к колдунье я отказался, но не пойдет ли к ней бывший скептик?.. Как всегда бывает, особенная беседа не сразу кончается. Не успел бывший скептик уйти, как

пришли еще двое. Один - местный монгол, из образованных, уже побывавший за границей. А другой - бывший офицер, проделавший всю войну. Разговор как будто начался о совершенно посторонних предметах. Монгол рассказывал о естественных богатствах Монголии, где и горное масло течет по пустыне, и реки приносят неистощимое золото. А затем, описывая золотоносный район, тем же повествующим, спокойным голосом прибавил: "И всю-то ночь, когда мы стояли у прииска, нам не дали спать эти убитые китайцы".

- То есть как убитые не дали спать?

- Это те, которые всюду были убиты в смутное время после войны и революций.

- То есть как же эти давно убитые могли не дать спать вам?

- А так, ходят, разговаривают, трубки выколачивают, гремят посудой.

- Вы шутите?

- Вовсе нет, - последовал серьезный ответ, - самих их не видно, но почти всю ночь слышите их - там было их много уничтожено, и, как говорили, были они уничтожены врасплох, еще с вечера как ложились они спать, не ожидали они нападения. Это всегда так бывает, что неожиданно убитые не могут отстать от своих обычных привычек. И с китайцами это бывает особенно часто. Они землю любят и свой дом любят. А если кто привязан к своим земным вещам, тому и уйти трудно, - серьезно заметил монгол.

Молчавший офицер добавил:

- Да, с китайцами это особенно часто бывает. В Мукдене есть один старенький дом, в котором никто жить не может. Там был убит китаец, который до сих пор никому покоя не дает. Каждую ночь крики, вероятно, те же самые, как те, когда его убивали. Мы хотели проверить это. Остались на ночь в этом доме, но около часу ночи увидели, как по лестнице с верхнего этажа по перилам спускается яркий синий шар. Ну, признаться, тут мы не выдержали и убрались. Впрочем, еще один случай из войны мне вспоминается. Это было на прусской границе. Мы целым штабом ночевали в одном домике. Посреди ночи все мы проснулись, одновременно вскрикивая что-то о лошадях. Кто кричал, зачем сюда привели лошадей; кто кричал: Лошади, лошади скачут. Сам я тоже проснулся, в темноте около меня с топотом и ржанием неслись какие-то лошади. Часовые, бывшие снаружи, ничего не слышали. Наутро мы узнали, что наш табун был уничтожен взорвавшимся снарядом.

Монгол оживился и подхватил:

- Я тоже слышал этих невидимых животных, но это было в юрте шамана. Шаман вызывал подвластные ему силы, и вот в темноте мы слышали громкий скок и ржание целых табунов коней. Слышали полет стаи орлов и шипенье бесчисленных змей в самой юрте. Вам бы поговорить с нашим военным министром. Он ведь прорицатель, и мог бы рассказать вам много неожиданного для вас.

- А отчего вы думаете, что то, что вы говорите, для нас неожиданно?

- А так уж привык, что все приезжие самое наше обыкновенное называют чем-то особенным...

*Проф. Николай Рерих
Гималаи*

Примечания редакции сайта

1. Роланг (тиб. ro-langs) - "встающий труп".

2. Азилум (лат. Asylum) - приют, прибежище.

3. Дао-Тай (даотай) - в старом Китае чиновник для особых поручений. Даотай в городе Хотане, через который Рерихи проходили в ходе трансгималайской экспедиции в 1924 году, исполнял обязанности религиозного надсмотрщика.